

ИЗУЧЕНИЕ ИМПЛИЦИТНЫХ ТЕОРИЙ КАК СОСТАВЛЯЮЩИХ КОГНИТИВНОГО РИСКА

© 2013 г. Е. М. Ординова

Аспирант кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва
e-mail: katinord@yandex.ru

Излагаются результаты исследования, в котором продемонстрирована возможность диагностики имплицитных теорий риска с помощью нового опросника “Имплицитные теории риска” (ИТР), удовлетворяющего требованиям надёжности и валидности. В трёх этапах исследования приняли участие 744 испытуемых, которым предъявлялись составленный нами опросник ИТР, “Новый опросник толерантности к неопределённости” (НТН) и опросник “Личностные факторы решения” (ЛФР). В результате было выделено семь переменных, рассмотренных как основания ИТР, показана связь предпочтений ИТР. Установлены связи субъективных представлений о риске – ИТР – с личностными переменными.

Ключевые слова: имплицитные теории риска, готовность к риску, толерантность к неопределённости, когнитивный риск, субъективные репрезентации риска, интеллектуально-личностный потенциал

В психологии конструкт риска связан с понятием преодоления неопределенности в ситуации принятия решений (ПР) и исследуется с позиций психофизической, психосемантической, психо-диагностической и экспериментальной парадигм. Изучение воспринимаемого риска в психофизических исследованиях предполагает задание стимульных характеристик (ситуаций, источников), а опросниками обычно диагностируется личностная рискованность, или готовность к риску [3, 6]. Рискованность исследуется в качестве личностной диспозиции – как готовность или склонность к риску, или как характеристика ситуации (фактор риска). Наряду с этим в психологии познания складывалось понимание принятия риска, которое связывало риск с этапами решения задач – как в развернутых интеллектуальных стратегиях, так и в закрытых ситуациях выбора (*decision making*) [6, 7].

Риск в интеллектуальных стратегиях не следует путать с понятием познавательного риска (*cognitive risk*), которое впервые обсуждалось Дж. Брунером [2], подметившим, что человек может выдвигать гипотезы (например, в ситуации методики формирования искусственных понятий) при субъективной недостаточности полученных ориентиров. Другое понимание связи субъективной неопределенности с регуляцией мыслительных стратегий было предложено

О.К. Тихомировым [13], а применительно к принятию интеллектуальных решений – Т.В. Корниловой [4]. О.К. Тихомиров показал, что человек ориентируется на субъективную, а не на объективную неопределенность [13]. При анализе динамики этапов принятия решений в условиях компьютерного моделирования игровых ситуаций в исследовании Т.В. Корниловой и Т.В. Чудиной были рассмотрены особенности принятия риска в стратегиях игр (“лото” – с вероятностным фактором риска и “шашки” – с детерминистским) при варьировании уровней неопределенности [9]¹. Ими был установлен феномен “инверсии риска”: более “рисковые” по предварительному тесту испытуемые оказались более осторожными в стратегиях выборов ходов.

Понятие когнитивного риска (КР) в узком смысле было связано с оценкой того, насколько при принятии решения (ПР) субъекту были представлены факторы риска его действий и решений в конкретной ситуации [3, 6]. Однако этот термин, на наш взгляд, изначально включал и более широкое понимание того, что люди по-разному оценивают ситуации риска и свои возможности

¹ Познавательный риск проявлялся в том, что игроки могли сознательно идти на проигрышные действия, преследуя цель узнать как можно больше о возможных ответных действиях компьютера, т.е. для гностической ориентировки в ситуации неопределенности.

контролировать такие ситуации. Мы предлагаем включать в понятие когнитивного риска и составляющую имплицитных представлений человека о том, что он рискует, т.е. составляющую когнитивной оценки. Рискованные действия или решения без соответствующих субъективных репрезентаций их рискованности не могут быть названы таковыми; тогда они должны называться – согласно характеру их психологической регуляции – либо импульсивными, либо неосторожными, либо необдуманными.

Б.Ф. Ломовым было предложено различать процессы ПР в зависимости от их уровневой регуляции и связей с целостной структурой деятельности, в первую очередь с мотивацией. Принятие решения здесь фиксирует область когнитивной, а также регулятивной функции психики [11].

Сформулированное в психологии в рамках проблемы ПР понятие риска долгое время было изолированным от других конструктов, и риск изучался как самостоятельный феномен. В рамках психодиагностического подхода личностный риск стал пониматься как проявляющееся в поведении диспозициональное свойство личности. Личностная регуляция ПР как включающая фактор риска выступила сначала линией различия эмпирических и нормативных стратегий [5].

В отечественной психологии в концепции динамических регулятивных систем – ДРС, складывающихся при функционально-уровневой регуляции ПР, Т.В. Корниловой риск как личностное свойство был включен в представление о единстве функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека [10]. Риск в данной концепции рассматривается в нескольких плоскостях, соответствующих различным уровням интеллектуально-личностной регуляции и парциальным механизмам, опосредствующим выборы – как интеллектуальные, так и личностные, включая моральные уровни регуляции [8].

Готовность к риску при таком подходе характеризует умение субъекта принимать решения в условиях неопределенности, что не противопоставляет понятие рискованности понятию рациональности [6]. Принятие риска рассматривается как акт интеграции на уровне самосознания личностно-мотивационных предпосылок выбора и когнитивных репрезентаций свойств ситуации. Принятие риска на уровне самосознания личности выступает как занятие мыслящей личностью определённой позиции в том, какой выбор осуществлять в условиях риска, включая представление об ответственности за свой выбор и авторство субъекта в ПР.

Итак, если в житейском смысле слово риск означало “импульсивность” и необдуманность решений, действий или стратегий, то теперь сформулированы предположения о *когнитивном риске*, включающем возможности обдуманного риска. Это предполагает связи рискованности с разными формами познавательной активности и разноуровневыми механизмами регуляции принятия риска как характеризующего когнитивные стили, интеллектуальные стратегии или личностные склонности [6]. Зарубежные авторы предложили суженные трактовки КР. В частности, Шнельбекер (*Snelbecker*) с соавторами [16] выдвинул гипотезу о том, что когнитивным риск является тогда, когда человек эксплицирует суждения, заведомо противные суждениям его ближайшего окружения, тем самым подвергая себя опасности быть осмеянным, отвергнутым и непонятым. Однако здесь риск представлен только в одном аспекте – социального когнитивного риска.

При разработке диагностических средств необходимо учитывать не только отнесенность риска к какой-то области (риски житейские или профессиональные, финансовые, связанные со здоровьем и др.), но и тот факт, что принятие риска связывает его когнитивные репрезентации с определенными индивидуальными характеристиками человека (например, возраст, гендер) и с ситуационными факторами (актуалгенез проблемно-ориентированных или эмоциональных решений), и эти составляющие находятся во взаимодействии с диспозициональной регуляцией – предпочтением действовать рискованно или избегать риска. Соответственно, неудивительно, что результаты различных измерений принятия риска (опросники на рискованность, другие варианты самоотчётов, выборы в лотереях и в жизни) не всегда строго коррелируют. Различия в обозримых уровнях принятия риска могут быть вызваны различными процессами: субъективное восприятие риска, гендерные различия, или, в случае подростков, – взаимодействие сильных эмоций и слабой произвольности (слабое когнитивное подавление) [18].

Итак, КР необходимо рассматривать в качестве многомерного конструкта, включающего в себя не только субъективные репрезентации, но и акты принятия риска в стратегиях, готовность принимать решения в ситуации неопределенности, в частности, идти в интеллектуальных решениях на риск. Предположение о многомерности позволяет также выделять в качестве составляющих КР *имплицитные теории риска (ИТР)*, которые влияют на субъективные репрезентации и на акты ПР в ситуациях с неопределенностью. При этом нами предлагается новый тип методического выявле-

ния ИТР – как отражающих житейские (жизненные) представления человека о риске и ситуациях, в которых он рискует. Тем самым акцент ставится на присущем самому субъекту понимании того, когда именно он или другие люди рискуют.

ИМПЛИЦИТИНЫЕ ТЕОРИИ РИСКА

Имплицитные теории (ИТ) интересны тем, что предполагают определенное влияние обыденных представлений о сущности психического процесса на поведение и обучение. Представления, например, об умном человеке включают предположения о том, как бы он действовал в той или иной ситуации [15].

Мы пока оставляем за рамками анализа рассмотрение таких ситуаций “больших рисков”, которые характеризуют социоэкономическое развитие общества: угрозы экологических катастроф, последствий политических реформ и государственные экономические кризисы. Этому посвящены социально-психологические работы по риску [1, 14]. Мы же говорим именно о личном или о субъективном выборе, за которым можно видеть проявление собственных ИТР субъекта. Их направленность можно свести к следующим, закрепившимся в эксплицитных теориях: риск это либо опасность, либо большая вероятность неуспеха, т.е. потерь. Однако для выявления именно ИТР необходимо дифференцировать субъективные репрезентации риска и рассматривать ИТР в их конкретизации применительно к тем ситуациям, которые человек сам видит рискованными.

ИТР могут быть описаны с помощью шкал или категорий, определяющих субъективные способы организации индивидуального опыта. Диагностически это может быть представлено в подходе, предполагающем экспликацию тех индивидуальных шкал, которые определяют функционирование ИТР в рамках определенных социокультурных групп. Такие ситуационные факторы риска, как неполнота информации, физическая или психологическая угроза, возможности контроля над изменениями ситуации могут не совпадать с субъективными репрезентациями риска [6]. При этом имплицитные теории могут быть поняты как поле индивидуальных значений, которые, согласно концепции А.Н. Леонтьева, в отношении к разным мотивам оформляются как личностные смыслы. В отечественной литературе существует понимание имплицитных теорий и в связи с теорией личностных конструктов Дж. Келли [12], и в связи с функционально-уровневой теорией ПР – как фокусирующих интеграционных процессов включения житейских представлений

об интеллекте и личности в многоуровневую интеллектуально-личностную регуляцию выбора [10]. В последнем варианте имплицитные теории предстают в регуляторной роли в гипотетических динамических регулятивных системах, процессуально определяющих предпочтения при ПР.

На основании такого понимания роли имплицитных теорий формулировались цели нашего исследования: 1) выявление субъективных репрезентаций риска, включая этапы определения ситуаций, которые люди в каждом конкретном индивидуальном случае рассматривают как ситуации с риском, и последующей диагностики индивидуальных различий в ИТР; 2) установление связей ИТР с переменными принятия неопределенности и личностных факторов риска.

Задачи исследования: 1) построение диагностической методики для выявления ИТР; 2) установление связей шкал ИТР и личностных свойств толерантности/интолерантности к неопределенности (ТН/ИТН), готовности к риску и рациональности как связанных с принятием неопределенности и риска.

В контексте изучения ИТР с точки зрения их развития исследования показали, что социальные ценности влияют на решения, предполагаемые для других людей, в куда большей степени, нежели на решения, предполагаемые для себя [17]. Поэтому одной из *гипотез* нашего исследования выступило предположение о том, что ИТР зависят от позиции Я–Другой, или риска для себя и других в конкретной ситуации.

Основными *гипотезами* о связях были следующие: 1) ИТР различаются в зависимости от позиции оценивания “За себя” или “За другого” (с большей допустимостью риска для себя); 2) ИТР положительно связаны с переменными, манифестирующими принятие неопределенности и личностного риска.

МЕТОДИКА

Схема проведения и участники исследования. В трёх этапах разработки опросника ИТР – предварительном, основном и этапе проверки гипотез о связях – приняли участие 744 испытуемых.

1. *Предварительный этап* (определение пунктов субъективной представленности риска в свободных ответах, послуживших основой для первичного набора утверждений опросника ИТР) включал:

а) Выявление имплицитных теорий риска на выборке из 78 студентов психологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

б) Формулирование пунктов первоначально-го опросника ИТР (1), который был предъявлен 221 испытуемому (далее в скобках указан средний возраст), студентам различных факультетов МГУ: 118 студентам психологического факультета (не включающим испытуемых, упоминаемых в предыдущем подпункте): 31 мужчине ($M = 21$) и 87 женщинам ($M = 20$); 81 студенту физического факультета: 52 мужчинам ($M = 19$) и 29 женщинам ($M = 21$); 22 студентам механико-математического факультета: 12 мужчинам ($M = 20$) и 10 женщинам ($M = 21$).

в) Анализ свободных ответов. Для экспертной оценки общих тенденций при анализе свободных ответов привлекались независимые эксперты: 10 студенток, прослушавших спецкурс по психологии риска.

2. Составление нового опросника ИТР (2), для чего была проведена оценка его эмпирической валидности – выделение факторной структуры. В этом этапе участвовали 131 чел., включая 69 студентов факультета журналистики МГУ ($M = 19.37$): 5 мужчин ($M = 19.37$) и 64 женщины ($M = 20.21$); 62 студента факультета психологии МГУ ($M = 21.38$): 14 мужчин ($M = 21.38$), 48 женщин ($M = 21.44$).

3. Оценка психометрических свойств нового опросника ИТР (2) и проверка гипотез о связях с личностными переменными. Участвовали 322 чел., включая 167 студентов-психологов МГУ – 26 мужчин ($M = 20.9$) и 141 женщина ($M = 19.9$), 126 студентов МГППУ: 23 мужчины ($M = 18.5$) и 103 женщины ($M = 18.4$) и 29 студентов философского факультета: 6 мужчин ($M = 18.7$) и 23 женщины ($M = 17.9$).

Использованные методики и процедура исследования.

В основу предварительного этапа легла процедура выявления ИТР. Анализировались свободные ответы людей, продолжавших предложения “Человек рискует, когда...” и “Человек рисковый...”. В результате был получен первый опросник ИТР, включивший 20 утверждений.

На втором этапе мы построили новый вариант опросника ИТР следующим способом: на основе каждого из 20 нейтральных (безотносительных к своему Я) утверждений сформулировали по два утверждения (ответ “За себя” и “За другого”) и получили 40 утверждений. Такая процедура была необходима для увеличения однозначности ответов для испытуемых и проверки гипотезы о соответствии социальных и субъективных факторов в ИТР.

На третьем этапе осуществлялась проверка гипотез о связях диагностированных ИТР с лич-

ностными переменными, для чего испытуемые заполняли новый вариант построенного опросника ИТР и следующие опросники:

1) Новый опросник толерантности к неопределенности (НТН) – апробированный и модифицированный Т.В. Корниловой на российских выборках сборный опросник А. Фернхема. Переменные, выделяемые с помощью этого опросника: *толерантность к неопределенности (НТН)* – генерализованное личностное свойство, означающее приятие неопределенности, изменений, новизны и оригинальности, готовность идти непроторенными путями и предпочитать более сложные задачи, иметь возможность самостоятельности и выхода за рамки принятых ограничений; *интолерантность к неопределенности (ИТН)* – стремление к ясности, упорядоченности во всем и неприятие неопределенности, предположение о главенствующей роли правил и принципов, дихотомическое разделение правильных и неправильных способов, мнений и ценностей, *МИНТ – межличностная интолерантность к неопределенности*. Последнее означает стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, что соответствует критериям монологичности и статичности в отношениях с другими [5].

2) Опросник “Личностные факторы решений” (ЛФР-21) [3], который включает шкалы: *ГкР – личностной готовности к риску* и *Рац – рациональности*.

Обработка данных. На первом этапе был про- ведён эксплораторный факторный анализ методом альфа-факторизации. На втором этапе в программе *LisRel 87* моделей, полученных в результате эксплораторного факторного анализа, были проверены конfirmаторным факторным анализом. На третьем этапе для проверки конвергентной валидности опросника ИТР использовался корреляционный анализ с помощью коэффициента ранговой корреляции ρ Спирмена в статистическом пакете *SPSS Statistics 17.0*.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На предварительном этапе после выявления имплицитных теорий, получения свободных ответов от участников исследования и анализа материалов нашими экспертами был составлен первый вариант опросника ИТР. Данные, полученные после заполнения участниками исследования первого опросника с помощью процедуры эксплораторного факторного анализа методом главных компонент и вращения промакс, были факторизованы, а факторы получили следующие названия: “Риск как ценность”, “Риск как средство”, “Риск

Таблица 1. Показатели внутренней согласованности шкал первого варианта опросника ИТР

Фактор	α -Кронбаха
Риск как ценность	.153
Риск как средство	.398
Риск как следствие	.164
Риск как осознание вероятности неудачи и риска жизни	.512
Риск как выигрыш у судьбы	.370

Таблица 2. Матрица факторных нагрузок для нового опросника ИТР

Утверждения	Фактор						
	1	2	3	4	5	6	7
Утверждение 1	-.177	-.112	.056	-.014	.463	.142	.014
Утверждение 2	.003	-.201	.136	-.093	.075	.432	-.078
Утверждение 3	-.076	.013	.143	.082	-.120	.236	.033
Утверждение 4	-.006	.098	.196	-.111	.057	.367	-.020
Утверждение 5	-.068	-.015	-.076	.091	.039	.467	.080
Утверждение 6	-.043	-.046	-.155	.533	-.028	.103	.083
Утверждение 7	-.226	.077	-.101	.214	.419	.145	.046
Утверждение 8	-.087	-.038	-.052	.465	-.094	-.002	.091
Утверждение 9	-.136	-.110	.146	.278	.065	-.076	.155
Утверждение 10	.005	.661	-.021	-.002	-.053	.019	.039
Утверждение 11	.216	-.363	.069	.154	-.011	.017	-.128
Утверждение 12	-.075	-.026	.671	-.091	.001	.059	-.127
Утверждение 13	-.035	-.123	.657	-.009	-.029	.058	.046
Утверждение 14	.216	.010	-.152	-.011	-.138	.151	.066
Утверждение 15	.034	.202	-.186	-.074	.116	.405	-.039
Утверждение 16	.033	-.116	.092	-.086	.301	.308	.066
Утверждение 17	.109	-.071	-.032	.019	.324	.029	.103
Утверждение 18	.095	.038	.028	-.026	.253	.024	.021
Утверждение 19	-.015	.517	.155	.022	-.033	-.003	.031
Утверждение 20	.026	-.012	.113	.172	.050	.509	-.052
Утверждение 21	.181	-.597	.170	-.033	-.028	-.011	-.029
Утверждение 22	-.002	.090	-.116	.021	.090	.072	.365
Утверждение 23	.201	.226	-.022	-.002	-.150	.106	.424
Утверждение 24	.108	-.242	.032	-.016	.188	-.043	.411
Утверждение 25	.082	-.234	-.034	.234	-.107	.089	.168
Утверждение 26	.540	-.170	-.087	.105	-.112	.046	-.043
Утверждение 27	.507	.041	-.080	-.212	.204	.092	.079
Утверждение 28	.117	.042	-.028	-.012	.496	-.081	.117
Утверждение 29	.159	.050	-.013	.388	.059	.051	.126
Утверждение 30	.080	.091	.319	.156	-.113	.149	.117
Утверждение 31	.448	-.163	.081	.053	.029	-.081	-.012
Утверждение 32	.003	.333	.274	-.039	-.046	-.023	.341
Утверждение 33	.067	.194	.111	.472	.131	-.120	-.099
Утверждение 34	.182	-.022	-.093	.341	.107	-.056	-.139
Утверждение 35	-.128	.100	.130	.098	.103	-.143	.401
Утверждение 36	.074	-.099	-.041	.116	.208	-.054	.399
Утверждение 37	.552	-.080	.017	.031	-.108	-.035	.071
Утверждение 38	.560	.067	-.006	-.043	.177	-.095	.036
Утверждение 39	.190	.259	.162	.228	.066	.070	-.232
Утверждение 40	.120	.101	.298	-.127	.147	-.038	.062

Таблица 3. Факторы нового опросника ИТР и их интерпретация

№	Интерпретация	1 блок (Я рисую)	2 блок (Другой рискует)
1	Риск из-за невозможности расчета (прогноза) α-Кронбаха .65	14) Я рисую, если действую в расчёте не только на свои ресурсы	31) Люди рисуют, когда думают, что им нечего терять и они уверены в победе
		26) Я рисую, когда уверен в невозможности ошибки	37) Люди рисуют, когда уверены, что просчитали все варианты исходов
		27) Я рисую, если другого выхода нет	38) Люди рисуют, если жизнь не оставляет другого выбора
2	Осознанный риск α-Кронбаха .77	10) Я буду действовать, даже если осознаю опасность своего поступка для собственной жизни.	19) Это большой риск – идти по непроторенной дорожке, и мне это нравится
		11) Я не рисую, если не уверен в своей удаче (инвертируется)	21) Людям не стоит рисковать и совершать какие-то действия при их опасности для жизни (инвертируется)
		39) Я рисую, когда вопреки осуждению иду против общепринятых норм	25) В своих действиях люди рисуют, когда недооценивают вероятность неудачи (инвертируется)
3	Риск как проверка себя (испытание) α-Кронбаха .57	12) Если действие значимо для моего самоизменения, я рисую	30) Человек рисует, совершая поступок, который независимо от последствий значим для самоизменения
		13) Я рисую, если победа повысит мою самооценку	40) Если человек не боится перемен, он не проведёт скучную и серую жизнь
4	Риск как недостаточность контроля рациональности α-Кронбаха .56	6) Я рисую, если предпринимаю действия с недостаточной степенью контроля ситуации	8) Люди рисуют, если вступают в ситуацию, которая требует больших интеллектуальных, эмоциональных затрат, чем они могут обеспечить
			9) Люди рисуют, если хотят испытать прилив адреналина, например, занимаются экстремальными видами спорта
			29) Это большой риск – действовать с недостаточной степенью контроля ситуации
			33) Человек рисует, если отвергает общепринятый способ достижения цели и идёт против общепринятых норм
			34) Человек рисует в том случае, если не задумывается над последствиями своих действий
5	Риск как стремление приумножить ценности α-Кронбаха .48	7) Я рисую, если хочу испытать судьбу и выиграть у неё	1) Человек рисует, если он пытается испытать судьбу и выиграть у неё
		17) Я думаю, что мог бы рисковать, если бы обладал определёнными личностными качествами	18) Большой выигрыш провоцирует людей рисковать при высокой вероятности проигрыша в неопределённой ситуации

Таблица 3 (окончание)

	Риск как потеря / приобретение α -Кронбаха .58	2) Я называю риском совершение действий, которые могут привести к потере чего-то ценного 4) Я считаю, что рискую при высокой вероятности проигрыша, когда стремлюсь к большему выигрышу 5) Если я совершаю поступок, который может обернуться неприятными последствиями, то я рисую 15) Я рисую, когда действую с большой вероятностью неудачи	3) Человек рискует в том случае, если старый способ действия уже не пригоден, а новый ещё не опробован, но он всё равно его выбирает 16) Продолжение дела с угрозой потери чего-то ценного – это настоящий риск 20) Человек рискует, если он совершает поступок, который может обернуться для него неудачей, какими-то неприятными последствиями
6	Гедонистический риск α -Кронбаха .58	22) Я бы рисковал, если бы в моей семье это поощрялось 23) Если я не планирую свои действия, то остаётся рисковать 35) Стимулом к моим рискованным действиям может стать желание испытать приток адреналина 32) Я рисую, чтобы жизнь была яркой и запоминающейся	24) Мне кажется, рисуют те люди, у которых рисковое поведение заложено в характере 36) Человек рискует, если в его семье были какие-то особенности воспитания, которые могут стимулировать соответствующее поведение, например, риск как способ самоутверждения
7			

как следствие”, “Риск как осознание вероятности неудачи и риска для жизни”, “Риск как выигрыш у судьбы”. Оценка надёжности-согласованности шкал опросника ИТР (первый вариант) представлена в табл. 1. Сочтя такие показатели неудовлетворительными, мы провели экспертную оценку пунктов и, удвоив их – с позиций риска для себя и для других людей (в той же ситуации), получили новый вариант опросника – ИТР (второй вариант).

Далее была исследована факторная структура нового опросника ИТР. В результате процедуры *эксплораторного факторного анализа* методом альфа-факторизации после вращения промакс для результатов заполнения нового варианта опросника ИТР (из 40 пунктов) было выделено семь факторов, нагрузки по которым представлены в табл. 2².

² В качестве порога принадлежности утверждения к тому или иному фактору был выбран 0.21. Значения, превышающие данные порог, выделены в табл. 2 жирным шрифтом.

Все неоднозначные варианты были проверены на этапе *конfirmаторного факторного анализа* при сопоставлении факторных моделей, поэтому ниже (см. табл. 2) приведена интерпретация факторов модели, продемонстрировавшей лучшие показатели согласованности.

В табл. 3 представлены утверждения нового опросника ИТР, на основании распределения по факторам которых были даны названия шкалам.

В этой же таблице представлен результат анализа полученных факторов – соответствие пунктов опросника двум блокам “За себя” и “За другого”.

Оценка надёжности-согласованности факторов нового опросника ИТР представлена в табл. 3 в графе с названием фактора.

Полученные показатели надёжности находятся в диапазоне от 0.48 до 0.77, что является удовлетворительными и хорошими показателями α -Кронбаха.

Таблица 4. Связь факторов нового опросника ИТР с переменными личностных опросников

ИТР\ НТН	TH	ITH	МИТН	ГкР	Рац.
Риск – невозможность прогноза	-.134*	.261**	.294**	.016	.131
Осознанный риск	.380**	-.129*	-.130*	.330**	-.347**
Риск – испытание	.264**	.136*	.092	.178	.010
Риск – недостаточность контроля	-.095	.193**	.162**	-.069	.069
Риск – стремление приумножить ценности	-.057	.156*	.115	.121	.121
Риск-потеря\приобретение	.030	.154*	.232**	-.076	-.076
Гедонистический риск	.130*	.244**	.202**	.120	-.150

* – корреляция значима на уровне 0.05

** – корреляция значима на уровне 0.01

На рис. 1 приведена результирующая модель конфирматорного факторного анализа, в которую вошли семь факторов, объединившие 40 утверждений об ИТР. На рисунке видно, что каждую латентную переменную отражают пункты из обоих блоков.

Показатели проведённого конфирматорного факторного анализа для полученной модели опросника ИТР удовлетворительны и позволяют принять модель: $\chi^2 = 1210.63$, $RMSEA = 0.049$, $CFI = 0.81$. Связь факторов нового опросника ИТР с переменными личностных опросников представлены в табл. 4.

Как показывает матрица интеркорреляций, приведенная в табл. 4, установлены следующие значимые связи:

– у лиц с высокими показателями *готовности к риску* (готовых испытывать себя, стремящихся к получению удовольствия от риска, осознающих риск и предполагающих важность прогнозов в ситуациях с риском) более высокими являются показатели *TH* (принятие неясности, новизны, изменений);

– лица, не принимающие возможность прогноза, не осознающие риск, готовые испытывать себя, характеризуются также недостаточной *рациональностью* (под рациональностью в опроснике ЛФР понимается направленность на сбор информации) и при этом стремлением приумножить ценности; лица, стремящиеся получить удовольствие от риска и воспринимающие риск как возможность потери или приобретения, проявляют повышенную *ITH* – стремление к ясности;

– у лиц с высокими индексами *МИТН* высок страх перед невозможностью прогноза, низка возможность осознавать риск, подразумевать риск там, где не хватает рациональности, ощущать рискованные ситуации с равным шансом потери

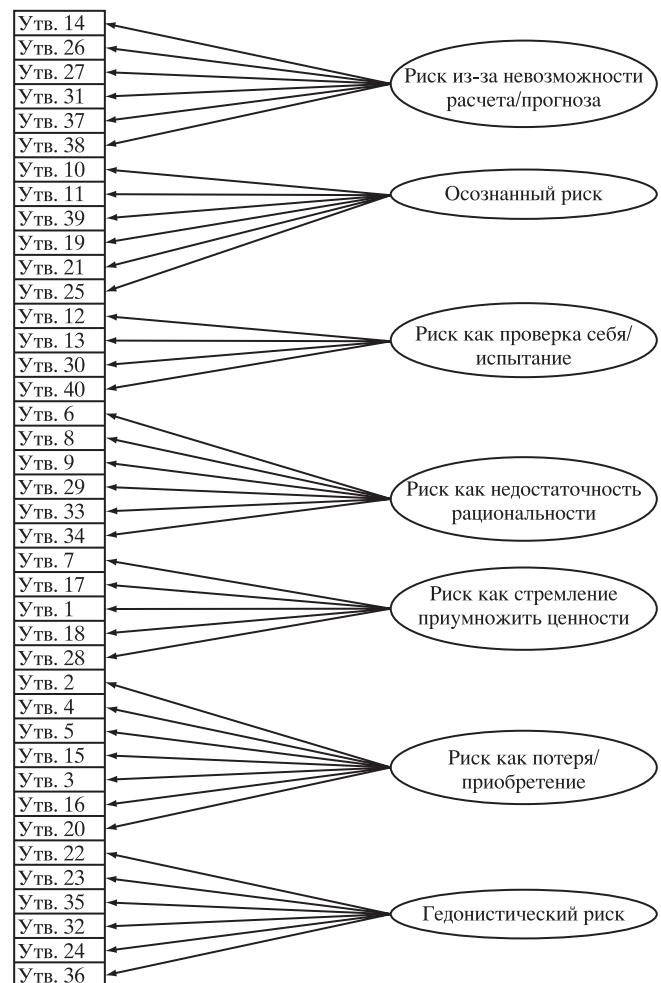

Рис. 1. Результаты конфирматорного факторного анализа

или приобретения, полагать, что за риском стоит стремление получить удовольствие.

– фактор *осознанного риска* положительно связан с *готовностью к риску* и отрицательно – с *рациональностью* (как личностными свойствами по

ЛФР). Таким образом, люди, осознающие риск, готовы действовать в ситуации неопределённости, для чего им нет нужды достигать полной информированности о ситуации.

4. Блоки, содержащие утверждения, относящиеся к себе и другому, совпадают по своей факторной структуре.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

На этапе разработки опросника ИТР выделилась факторная структура, состоящая из семи факторов, в каждый из которых попадают аналогичные утверждения из разных блоков (“За себя” и “За другого”). Ранее на материале вербальных задач с множеством исходов были выделены шесть факторов восприятия риска: риск в контексте жизненной перспективы (ситуационные потери – жизненные потери), риск самореализации в любви или профессии, риск личностных потерь, связанных с раскрытием чужого обмана, коммерческий риск, риск самореализации при дилемме принятия высокой внешней или внутренней цены исходов, риск морального выбора между собственными жизненными целями и интересами других [4]. В нашем исследовании выделены другие факторы, что следует из их содержания: риск из-за невозможности расчёта, осознанный риск, риск как проверка себя, риск как недостаточность рациональности, риск как стремление приумножить ценности, риск как потеря-приобретение, гедонистический риск. Полученные показатели надёжности находятся в диапазоне от 0.48 до 0.77, что ниже, чем в целом для личностных опросников; вместе с тем при разработке личностных опросников для измерения толерантности к неопределенности показатель 0.4 – уже довольно редко достигаемая величина [6]. Поэтому в целом *содержательная валидность* нашего опросника ИТР может считаться хорошей.

Важным является то, что опросник диагностирует ИТР как общие тенденции, характеризующие житейские представления. Использованная процедура их установления как пунктов опросника ИТР существенно отличает его от других личностных опросников на риск.

Выявление связи с личностной готовностью к риску нужно рассматривать в контексте оценки *конвергентной валидности* шкал ИТР. Как показано в табл. 4, переменная *TH*, которая предполагает принятие неопределенности и возможность действовать вне чётких, ясных ориентиров в большей степени характеризует четыре вида риска из семи выделенных нами (*осознанный, гедонистический, испытание себя и невозможность*

прогноза). Такие корреляции свидетельствуют в пользу гипотезы о возможной латентной переменной, стоящей за *TH* и восприятием риска. При этом диагностика перечисленных видов риска конкретизирует направление принятия неопределенности и риска с точки зрения разных механизмов принятия.

ITH связана со всеми выявленными имплицитными теориями риска, но именно с фактором “*Осознанный риск*” – отрицательно. Фактор “*Осознанный риск*” положительно связан с *TH*, что означает, в частности, готовность идти не-проторенными путями, выходить за рамки принятых ограничений, и отрицательно связан с *ITH*. Люди принимают неопределенность, и выбирают действие в ней – идут на риск, “осознавая опасность поступка”, “против общепринятых норм”. В этой связи понятна отрицательная корреляция этого фактора с противоположными по смыслу переменными интолерантности.

Факторы ИТР связаны с личностными факторами принятия решений только в проявлении одного своего фактора – “*Осознанный риск*”. Когнитивная составляющая – восприятие риска – и личностная *готовность к риску* оказываются здесь разными переменными, хотя и коррелирующими определено – через латентную переменную “*Принятие неопределенности*”. И именно осознанный риск выступает связующим звеном когнитивного и личностного риска, в то же время другие факторы опросника ИТР характеризуют *дивергентную валидность* со шкалой риска по опроснику ЛФР. Таким образом, ИТР дает возможность выявить те составляющие восприятия риска, которые не фиксируются названным личностным опросником. Тем самым акт принятия риска не следует рассматривать в качестве фактора, стоящего за готовностью действовать в ситуации неопределенности, а следует предлагать ряд факторов, отражающих множественность процессов, лежащих в основе преодоления неопределенности при ПР.

На первом этапе нашего исследования было сделано предположение о том, что мерность субъективного пространства риска в каждом индивидуальном случае разнится; новые результаты свидетельствуют в пользу этого предположения. Однако в нашем случае с увеличением пунктов в опроснике увеличивается и число извлекаемых факторов, дифференцирующих ИТР. Чем больше переменных и испытуемых мы включаем, тем ближе подходим к определению числа ситуаций, воспринимаемых как рискованные. Однако вопрос о мерности КР не может решаться в подоб-

ном исследовании, а предполагает другие подходы, в частности, психосемантический [4, 6].

Отметим также, что фактор “*Rиск – невозможность прогноза*” оказался отрицательно связан с *TH* и положительно с *ИТН* и *МТН*. Эта корреляция в полной мере отражает содержание всех переменных, а именно: люди с трудностями принятия неопределённости и действия вне чётких ориентиров действительно рассматривают ситуации, в которых присутствует неполнота ориентиров и невозможность прогноза, как ситуации с риском.

Более неоднозначной выглядит интерпретация следующего фактора. “*Rиск как проверка себя, испытание*” положительно связан с *TH* и *ИТН*. Возможно, *TH* представлена в этом факторе той своей стороной, которая отражена в составляющей “возможная самостоятельность” – в данном факторе речь о ее значимости для самоизменения, которая возможна при некоторой доле автономности и активности. В эту шкалу опросника входит пункт “*рисую, если победа повысит самооценку*”, что предполагает степень осознания правил и принципов, разделение мнений и ценностей. Когда такое разделение присутствует, проще повысить самооценку, а если это значимо в контексте риска, то такая корреляция объяснима.

Фактор “*Rиск – недостаточность контроля*” положительно коррелирует с *ИТН* и *МИТН*. Это свидетельствует о том, что люди, не принимающие неопределённость и стремящиеся к ясности, рассматривают ситуации с недостаточной степенью контроля как рискованные; при этом не выявлено связи с личностной *рациональностью*, т.е. повышение контроля над ситуацией не связывается ими с направленностью на большую информированность.

Фактор “*Rиск как потеря/приобретение*” также положительно связан с *ИТН* и *МТН*. Неопределенность и неподконтрольность грозят потерями и проигрышами, если бояться их, не принимать, стремиться редуцировать.

В целом, эти четыре фактора соответствуют сведениям о связи латентной переменной “*Интерференция*” с субъективной неприемлемостью изменений или неясности, неподконтрольности ситуации или потерь [10], но дают более четкое представление о том, что может стоять за когнитивными репрезентациями риска на уровне ИТ.

Фактор “*Rиск – стремление приумножить ценности*” положительно связан только с *ИТН*. Стремящиеся к такому риску испытуемые видят в нем “*испытание судьбы*”, “*наличие определённых личностных качеств*” (которых, видимо, им и недостаёт для действия в рискованных или неопределённых ситуациях). Соответствующий

ценностный аспект принятия риска – наименее надежное из установленных измерений принятия ИТР, но вновь свидетельствующее о новом, не выделяемом другими личностными опросниками аспекте субъективных (житейских) интерпретаций рискованности.

В фактор “*Гедонистический риск*” вошли шесть содержательно разных утверждений, что, возможно, спровоцировало положительную связь этого фактора сразу с *TH*, *ИТН* и *МИТН*. В частности, “*желание испытать прилив адреналина*” может сочетаться со стремлением к изменениям, новизне, а понимание риска как действия в отсутствие планирования возможно при стремлении к ясности и упорядоченности. В целом это говорит как о разных основаниях удовольствия от риска, так и об обсуждавшейся применительно к разработке опросника *НТН* автономности шкал *TH/ИТН*, которые не следует рассматривать как полюса одного свойства [5].

Проверка гипотезы о зависимости предпочтений ИТ от позиции испытуемого показала, что, поскольку в каждый из факторов попадают аналогичные утверждения из разных блоков опросника (“*За себя*” и “*За другого*”), из двух гипотез совпадения и различия между “*риском за себя*” и “*риском за другого*” следует выбрать гипотезу об отсутствии дифференциации в предпочтении ИТ. Испытуемые рассматривали ситуации как содержащие или не содержащие в себе риск вне зависимости от субъекта риска – Я или другие люди.

Толерантность предполагает понимание и принятие Другого, представление о самой возможности иных норм для Другого. В опроснике мы видим совпадение категорий: испытуемые предполагают, что Люди (другие) рассуждают так же, как и Я. Возможно, суть таких результатов кроется в возрастной специфичности выборки (возраст около 20 лет). В этот период представление об общественных, социальных нормах, ценностях ещё не вынесено за пределы индивидуального Я.

ИТР можно понимать не как фактор, влияющий на ПР, а как акт самоопределения, оценивания своих возможностей, значимости выбора для собственного Я [3]. Эта “значимость для собственного Я” спровоцировала совпадение блоков “*За себя*” и “*За другого*”.

В ситуации анализа риска с субъективной позиции (заполнение опросника) на студенческой выборке обнаруживается тенденция давать сходные ответы в личных (“*За себя*”) и безличных (“*За другого*”) суждениях, что проявляется и в аналогичных связях блоков “*За себя*” и “*За другого*” со шкалами личностных опросников. Это свидетельствует либо о высокой интериоризации

представлений, полученных от окружения, либо о слабой дифференцированности и осознанности актов возможного самоопределения.

ВЫВОДЫ

1. Имплицитные теории риска имеют разные основания (гедонистический риск, осознанный риск, риск как испытание, риск как потеря/приобретение, риск как недостаточность рациональности, риск как стремление приумножить ценности, риск из-за невозможности расчёта/прогноза), которые возможно диагностировать с помощью нового опросника ИТР, демонстрирующего удовлетворительные показатели надежности и валидности.

2. Имплицитные теории риска – это общие тенденции в оценивании того, какие ситуации люди воспринимают как содержащие риск. Эти оценки одновременно являются когнитивными и личностными, отражая единство функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека.

3. Имплицитные теории риска положительно коррелируют с переменными принятия неопределенности, но выступают более дифференцированными основаниями принятия риска.

4. Обнаружена тенденция сходным образом оценивать риск вне зависимости от занимаемой позиции – “За себя” или “За другого”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // Альманах THESIS. Риск, неопределенность, случайность. 1994. № 5. С. 161–184.
2. Брунер Дж. Психология познания. М.: Прогресс, 1977.
3. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности. М.: Генезис, 2005.
4. Корнилова Т.В. Многомерность фактора субъективного риска (в вербальных ситуациях принятия решений) // Психологический журнал. 1998. № 6. С. 40–51.
5. Корнилова Т.В. Новый опросник толерантности к неопределенности // Психологический журнал. 2010. Т. 31. №1. С. 74–86.
6. Корнилова Т.В. Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.
7. Корнилова Т.В., Тихомиров О.К. Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: Изд-во МГУ, 1990.
8. Корнилова Т.В., Чигринова И.А. Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в регуляции личностных выборов // Психологический журнал. 2012. № 2. С. 24–55.
9. Корнилова Т.В., Чудина Т. В. Личностные и ситуационные факторы принятия решений в условиях диалога с ЭВМ // Психологический журнал. 1990. Т. 11. № 4. С. 32–37.
10. Корнилова Т.В., Чумакова М.А., Корнилов С.А., Новикова М.А. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека. М.: Смысл, 2010.
11. Ломов Б.Ф. Математика и психология в изучении процессов принятия решений // Нормативные и дескриптивные модели принятия решений / Под ред. Б.Ф. Ломова и др. М.: Наука, 1981.
12. Петренко В.Ф. Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М.: Изд-во МГУ, 1983.
13. Тихомиров О.К. Структура мыслительной деятельности. М.: Изд-во МГУ, 1969.
14. Эрроу К. Восприятие риска в психологии и экономической науке // Альманах THESIS. Риск, неопределенность, случайность. 1994. №5. С. 81–90.
15. Furnham A. Lay theories: Everyday understanding of problems in the social sciences. NY: Pergamon, 1988.
16. Snelbecker G.E., McConologue T., Feldman J.M. Cognitive risk tolerance. Survey, 2009.
17. Stone Eric R., Allgainer L. A Social Values Analysis of Self-Other Differences in Decision Making Involving Risk // Basic and Applied Social Psychology. 2008. V. 30. P. 114–129.
18. Weber Elke U., Figner B. Who Takes Risks When and Why? Determinants of Risk Taking // Current Directions in Psychological Science, 2011. V. 20. № 4. P. 211–216.

STUDY OF IMPLICIT THEORIES AS COMPONENTS OF COGNITIVE RISK

E. M. Ordinova

*Postgraduate student, general psychology chair, Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Moscow*

The results of study demonstrating possibility of risk implicit theories diagnostics by means of new psychometrically verified questionnaire “Implicit Theories of Risk” (ITR) are presented. Questionnaire ITR, “Tolerance to Uncertainty” questionnaire (TUQ) and Risk Readiness Survey (RRS) were given to 744 probationers. Seven variables regarded as ITR basis were evolved as a result; correlation between ITR preferences has been shown. Correlations between subjective ideas about risk – ITR – with personal variables are described.

Key words: implicit theories of risk, risk readiness, tolerance to uncertainty, cognitive risk, subjective representation of risk, intellectual and personal potential.